

Мир ДЖАЛАЛ

рассказ

## ЛЕКАРЬ- УЛЫБКА

*Стену валит сырость,  
а храбреца — страх.  
Народная мудрость*



ФИТРЕТ расплатился с шофером такси и повернулся к врачу:

— Сюда, пожалуйста, налево, через садик.

...Его отец уже две недели не вставал с постели. Приходили врачи. Поправляя сползавшие с плеч халаты, нетерпеливо топтались у кровати, выписывали лекарства и исчезали. Противоречивые назначения порошков и таблеток огорчали больного и его домашних. Отец осунулся, глаза у него потухли. «Видимо, — думал он, — у меня что-то серьезное. Иначе не бежали бы от меня...»

Фитрет догадывался, что тревожит больного, и эти тревоги невольно передавались ему самому. Наконец он решил пригласить доктора Вейсова, о котором шла по городу слава чудодея.

Едва Вейсов, поздоровавшись, переступил порог комнаты, как отец сел в постели.

— Сюда, доктор, сюда, — протянул он навстречу руки, указывая на придвинутое к кровати кресло.

Вейсов взял отца за запястье, нащупал пульс:

— На что жалуетесь, давно ли лежите?

— Вы спрашиваете, доктор, на что я жалуюсь? Я вам отвечу — на все, выделить что-либо одно мне трудно. Помните, у верблюда спросили, почему у тебя шея кривая, а он ответил: а что у меня прямое?

Вейсов заразительно расхохотался.

— Юмор — полезная вещь, — сказал он, вытирая выступившие на глазах слезы. — Вам надо чаще смеяться. Доброе настроение — отличный лекарь.

Отец вновь вернулся к своим болезням:

— Ощущение такое, словно в тело вонзают иглу. Все вокруг выводит меня из равновесия — жара и холод, дождь и ветер, шум и тишина. Я становлюсь раздражительным, подолгу не могу уснокоиться. А тут еще давление скачет, сахар поднимается, кислотность падает. Говорят, болезни не очень дружны между собой, но у меня разрушить их союз просто нет сил. Хорошо сказал поэт: «Если противник один у тебя, легко одолеть врага, но если беда с четырех сторон, слабеет твоя рука...».

Вейсов склонился над больным, прослушал легкие и сердце, измерил давление. Скользя взглядом по множеству порошков, баночек и пузырьков с лекарствами, он развел руками:

— Медицина, конечно, пыне сильна, как никогда. Но стоит ли применять мощное оружие там, где надобности в нем вовсе нет? Пусть развеются ваши печали. Лучшее лекарство для вас — душевное спокойствие.

— Вашими устами, доктор, мед пить. Но у меня столько болезней...

— Поменьше думайте о них. Организм крепкий, сердце, как у дэва, дай бог каждому, дыхание, в общем, свободное. Была небольшая простуда, да и та на исходе. — Вейсов повернулся к Фитрету: — Вашему отцу надо поменьше ахать и охать, по-

больше улыбаться. От стены еще никто не поправился. — Он посмотрел на висевший на стене тар: — Кто на нем играет?

— Грехи молодости, — смутился Фитрет.

— Ну, как говорится, доста расти без старости. Это как минимум. Почаще надо снимать тар со стены.

— Когда отец просит, я играю.

— А вы не ждите просьбы. Не давайте ему грустить. Наши предки говорили: «Горе приносит новое горе, радость — новую радость».

Вейсов выписал микстуру от простуды, повторил, что опасного ничего нет, попрощался и ушел. После его ухода отец обратился к Фитрету:

— Ты откуда его привез?

— Из поликлиники.

— Что-то на прежних не похож. Стиль другой.

— Просто он видит, какая у тебя добрая улыбка, и хочет, чтоб она разгладила морщинки на щеках, согнала тучи со лба.

— Ладно, будет тебе. Иди лучше за лекарством. Хорошо смеется тот, кто здоров. А у меня дела из рук вон плохи!

— Жалко, что доктор не слышал этой шутки. Она, пожалуй, самая удачная сегодня...

Фитрет вышел, осторожно притворив за собой дверь. Больной только откинулся на подушки, как в комнату ворвался его вжук Алтай.

— Дедушка! — закричал он с порога. — Посмотри, какой портрет я нарисовал. Учитель очень хвалил, сказал, повесь дома на стену.

Больной, внимательно разглядывая собственный портрет, приподнялся на локтях:

— Неужели у меня такой длинный нос?

— На самом деле так, дедушка. Когда ты лежишь, он прямо торчит из подушек.

— Значит, когда я на ногах, то нос, по-твоему, не так заметен?

— Конечно. Он тогда у тебя красивый.

Дед слез с кровати, подошел к зеркалу, покрутил головой:

— М да... А ну-ка, бери в руки карандаш и исправляй ошибку.

Алтай склонился над рисунком:

— Немного постой смирно, деда, не дергайся.

Больной терпеливо, с достоинством позировав внуку.

— Ну дедушка, все в порядке! Вот смотри.

— Угодил старинку, молодец! А теперь дай я лягу.

— Не надо, прислу тебя. Походи немного, настроение совсем исправится.

Дед, крахля, натянул брюки, надел рубашку.

— Спасибо тебе большое, — он поцеловал Алтая.

— С таким внуком я не имею права хандрить.

— Дедушка, можно я повешу портрет?

— Разумеется, внучек. Пусть все видят, как рисует молодой художник Алтай!

Алтай сломя голову помчался за гвоздиками и молотком. Ему казалось, что комнату вот-вот и вправду заполнят посетители, которые подолгу будут смотреть на картину и без усталости хвалить ее автора...

Перевод П. САВИНА  
и Ю. ДОМШЛАКА